

Родился и жил в Перми. Окончил Пермский государственный университет, по образованию юрист. Стихи публиковались в коллективном сборнике «Монарх. Семь самозванцев» (Пермь, 1999), в журналах «Уральская новь», «Арион», альманахах «Лабиринт», «Пермь Третья». Автор книг «Постоялец» (Пермь, 1996), «Пора инспектировать бездну» (Москва, 2004). Лауреат Илья-премии (посмертно). Погиб в автокатастрофе.

ШОССЕ ЯВЛЯЕТСЯ И СНИТСЯ...

* * *

Уронили на пол Бога —
Тихий стук, совсем не гром.
Он теперь взирает строго
На линолеумный ромб.
Опрокинутый у входа —
Как бы есть и как бы нет.
Безграничная свобода
Заполняет кабинет.
Изумленье. Ожиданье
Вспышки молнии. Испуг.
Осторожность. Привыканье

К обстоятельству. И вдруг —
Значит, можно, можно, можно
Без причины, ни за что —
Скрасить ваксою сапожной
Однородность белых штор.
Значит, можно не терзаться,
Наплевать, послать, забыть,
Можно с нового абзаца
Выбрать новое: «не быть».
Значит, можно — за монету,
Значит, можно — на краю.
Мир стоит, а Бога нету,
Бог лежит, а я стою...
...Сметены в совочек, редки,
Острозубы и резки,
Бело-костной статуэтки
Красно-белые куски.
Невесома, в дуновеньи
Сквозняка, едва шурша,
Опускается под веник
Позабытая душа...

* * *

Кружит, кружит лист осиновый
В октябре над дачным домом —
Самолётик апельсиновый
Над пустым аэродромом.
Бак сжигает керосиновый
Над садовничьим содомом.
Череп пугаловый дуется
На креста облезлых спицах.
Под кабиной чередуются

Грядка, лужа, черепица.
Он взмывает через улицу
Эмигрирующей птицей —
Опускаться нет желания
В огороде — грязном, зряшном.
Там, внизу, размежевание
Между завтрашним — вчерашним.
На земле — переживание,
Пережёвыванье каши.
По спиральной траектории
Он заходит на посадку
Под забытый ус виктории —
Взрос на ветке, канул в грядку.
Получается, История
Подчиняется Порядку.
Что же делается, Господи?
Перекрасить не пора ли —
Бриллиантовые россыпи,
Что сверкают на спирали?
Снова выдох — паром в воздухе,
Снова Осень на Урале.

★ ★ ★

Мы выйдем из зимы,
Как путники из чащи —
Остатком её тьмы,
Подавленно молчащим.

Мы встанем на шоссе
И взглянем ошалело:
Она колола всех
И нас не пожалела.

Из нас шарфы растут,
И шапки — волосами,
И ауры простуд
Под нашими носами.

Из серой Хохломы,
Голубоватой Гжели —
Мы вышли из зимы.
Мы в марте. Неужели?

Под солнечным рублём,
Бездонным и бездомным,
Стоим лимонным днём
И ничего не помним.

Так вот, пришел черёд
Все пуговицы сдвинуть,
Сочтя до четырёх,
Отрезать пуповину

И вытряхнуть на снег
Капустные листочки,
И поспешить к Весне
В последнем свитерочке,

В попутке задремать
На кресле, как в кровати.
...Водитель, словно мать,
Включит обогреватель...

Я эту трассу вдоль изъездил —
Мой путь женьшеневый.
Я еду ночью. Ждут известий,
Не спят две женщины.

Мне в пункте «А» пришлось прощаться,
Прозя прощения,
А в «Б» меня, как домочадца,
Ждёт угощение.

Одна тарелки попросторней
Несёт для плова — две,
Другая, если по-простому,
Сидит на проводе.

Над лобовым, как дочку, лижет
Луну Медведица.
Одна твердит: «Езжай потише —
Там гололедица».

Взгляд встречных — выпученный, силой
Звезды стократнее.
Другая повторяет: «Милый,
Поаккуратнее».

Шоссе является и снится,
Зигзаги — парами.
Усталость виснет на ресницах,
Проблемы с фарами.

Куда я еду и откуда
По колее ночной?

Не расплатился бы за удаль,
«командировочный».

Избушка огоньком окрасит
Мои провинности,
Гуляет ветерок над трассой,
Свистит провинция.

Меняются район с районом,
А волость — с волостью.
Я еду — жизнью напоённым,
А проще — сволочью.

* * *

Внезапно ударило двадцать четыре.
Стал жалок обмякший вороний полёт.
Желая проверить изменчивость в мире,
Я вышел на лёд.
Тот берег. В ином измеренье — вчерашнем —
Он был недоступней далёких планет.
В сегодняшнем, скованном панцирем страшным,
Конечно же, нет.
Остатки упавшей метели. Дорога
В бурунах, зелёных проплешинах льда.
Все эти подробности — тоже от Бога?
Наверное, да.
От Бога, похоже, и то постоянство,
Что мы, поселясь на одном берегу,
Не чувствуем больше иного пространства.
Я так не могу.
Я долго смотрел на холодный и чёрный,
Налево от солнца, лелеющий мрак,

Тот берег — на вид неживой и никчёмный.

Но это не так.

На нём, на заснеженной пляжной брусчатке,

Безмолвие тихим дыханьем скребя,

Я встану и, словно с обзорной площадки,

Взгляну на себя,

На город, на стройки, на людные сценки,

На брунов мир, заведённый ключом.

Субъект, породив объективность оценки,

Уже ни при чём.

Ведь кто-то же есть за зеркальной границей,

За небом, за лесом, за реками, за...

И что-то находит он, если взглянется

В свои же глаза.

Пол-истины мысленной влив в полуересь,

Я двигался, кстати, по голому льду,

И рыбы, в подошвы с сомнением вперясь,

Вставали в бреду.

Лед выдержит — мы не у тёплых Японий.

Осталось немного — ещё поворот.

О, боже, я понял, я, кажется, понял:

Послушайте, вот...